

Человек, у которого хватит Терпения сварить камень

*Ф&Р представляет Джастина Ифу Лина,
первого главного экономиста Всемирного банка
из страны с формирующимся рынком*

НА приеме ранее в этом году по поводу окончания срока пребывания Джастина Ифу Лина на посту главного экономиста Всемирного банка, как принято в таких случаях, отмечались достижения за всю его карьеру: Джастин Лин, первый гражданин Китая в его поколении, получивший степень доктора в Чикагском университете; Джастин Лин, второе частное лицо, ставшее владельцем автомобиля в Пекине; Джастин Лин, первый главный экономист Всемирного банка из развивающейся страны, или страны с формирующимся рынком.

Наряду с этими вехами на приеме воздавали должное его наиболее характерным чертам: решительности, гибкости, прагматизму. Больше всего запомнилось высказывание одного из его коллег, сказавшего, словами африканской поговорки, что у Лина хватит терпения, чтобы сварить камень.

Если о ком-то и можно сказать, что он был «нужным человеком в нужном месте в нужное время», то это именно Лин. Его «послужной список» включает прибытие в материковый Китай, как раз когда, на его удачу, коммунистическая партия начала проводить ряд исторических рыночных реформ. Затем счастливый случай свел Лина, благодаря его знанию английского, с посетившим страну экономистом — лауреатом Нобелевской премии, которому требовался переводчик; в итоге Лин был выдвинут на стипендию докторантуры Чикагского университета. А в июне 2008 года, накануне худшей мировой рецессии более чем за полвека, на фоне усиливающихся требований предоставить странам с формирующимся рынком и развивающимся странам большее влияние в управлении Всемирным банком, Лин был выбран на должность главного экономиста этой организации; он стал первым гражданином развивающейся страны на этом посту. Ход истории благоволил 60-летнему Лину.

Переосмысление развития

Перенесемся на четыре года вперед: Лин готовится вернуться в Китай после периода работы в Вашингтоне, округ Колумбия, где находится Всемирный банк, в котором он также был вице-президентом. Этот экономист в очках, совсем не склонный к саморекламе, размышляет о последнем этапе своей богатой событиями карьеры с чувством спокойного удовлетворения. Банк предоставил Лину глобальный форум для продвижения его теоретической основы нового подхода к развитию, или, как он ее называет, «новой структурной экономики».

«Я открыл дверь для того, чтобы люди, мои коллеги могли размышлять над этими вопросами, дискутировать», — говорит он.

Лин, эксперт по экономике Китая, считает себя отчасти обособленным от кругов разработчиков политики из стран Запада, которые традиционно преобладают в экономике развития. Как главный экономист Всемирного банка, он следовал по стопам таких светил, как бывший министр финансов США Лоренс Саммерс и лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц. Однако его теории представляют собой преднамеренную и резкую критику Вашингтонского консенсуса, широкого диапазона «неолиберальных» направлений политики, прежде тесно ассоциировавшихся с организациями в Вашингтоне, округ Колумбия, включая МВФ, Министерство финансов США и Всемирный банк. Когда его спрашивают, действительно ли он первый главный экономист Всемирного банка из развивающейся страны, Лин отвечает: «Не только первый из развивающейся страны, но и первый, кто хорошо понимает развивающиеся страны».

По словам Селестина Монга, соавтора Лина и его коллеги по Всемирному банку, Лин — «единственный из всех главных экономистов во Всемирном банке, кто непосредственно участвовал в работе, которая помогла 600 миллионам человек выйти из бедности. Какие аргументы еще нужны?»

Стиглиц говорит, что Лин играл важную роль в соединении уроков роста в Восточной Азии, самом быстрорастущем регионе мира, с экономической теорией развития.

Образцовый армейский офицер

От своих предшественников Лин, возможно, отличается своим скромным происхождением (он родился в 1952 году в бедной семье в округе Илан на северо-востоке Тайваня, провинции Китая, и был одним из шестерых детей), но, несомненно, он единственный главный экономист Всемирного банка, которому угрожает ордер на арест.

В 1979 году 26-летний примерный офицер тайваньской армии, в то время его звали Чжэни Лин, проходивший службу на острове Киньмень, который был предметом политических споров, принял решение переплыть двухкилометровый пролив

Что такое «Новая структурная экономика»?

Новая структурная экономика представляет собой применение неоклассической экономики для изучения воздействия экономических структур на процесс развития.

Джастин Лин утверждает, что промышленная структура страны обусловлена ее объективными сильными сторонами и преимуществами, которые определяются ее «обеспеченностью факторами производства», включая рабочую силу, природные ресурсы или человеческий и физический капитал. Как говорит Лин, «экономическая структура страны эндогенна по отношению к ее структуре имеющихся факторов».

Лин советует странам, что для максимального содействия развитию им следует сосредоточиться на секторах, в которых они обладают сравнительным преимуществом (то есть на том, что они могут делать относительно хорошо), исходя из того, чем они располагают на данный момент (то есть имеющихся у них факторов). Это позволит стране стать максимально конкурентоспособной, добиться наибольшей отдачи от инвестиций, максимально сэкономить средства и заложить основу для скорейшего перехода на более капиталоемкие отрасли. Успех порождает дальнейший успех, отмечает Лин.

В концепции Лина, как и в стандартной экономике, ведущую роль в распределении ресурсов играет конкурентный рынок, тогда как государству отводится функция содействия компаниям в модернизации промышленности путем устранения внешних эффектов и решения вопросов координации. Однако ключевой особенностью в «Новой структурной экономике» Лина является то, что она также выступает за стратегическое использование ограниченных ресурсов государства посредством адресной поддержки определенных отраслей, в которых вероятно наличие сравнительного преимущества. Это позволяет странам быстрее добиться экономического подъема.

до находящегося под коммунистическим контролем материкового Китая.

После его исчезновения власти Тайваня, объявившие его «без вести пропавшим», выплатили его жене компенсацию на сумму, эквивалентную более 30 000 долларов США; спустя много лет они выдвинули против него обвинение в дезертирстве.

Спросите сегодня Лина о том решении, и экономист отмахивается от дальнейших расспросов — единственный раз за все интервью, когда его постоянная улыбка застывает и он выдает какой-то намек на раздражение. Лин оставил на родине трехлетнего сына и жену Чэнь Юньин, которая в то время ждала рождения их дочери. На вопрос о реакции жены на его переход Лин ответил: «Она поддержала меня. Если я счастлив, она тоже счастлива».

«Так Вы сказали жене, что собираетесь покинуть страну?»
«Я дал ей это понять».

Преобразование Китая

Когда он оказался на материке, Лин сменил имя на Лин Ифу, что означает «настойчивый человек». Не имея возможности напрямую связаться с семьей, Лин написал письмо родственнику, живущему в Токио, в котором рассказал о своем одиночестве и тоске по жене и детям. Наряду с прозаическими бытовыми деталями, включая просьбу отправлять семье подарки на рождество от его имени, используя тайный псевдоним Лина, он описывает Китай на ключевом этапе развития, когда страна стремилась преобразить свою экономику из централизованно планируемой в рыночную:

«Сейчас Китай серьезно и честно анализирует 30 лет, прошедшие с основания Народной Республики, и старается учиться на своих ошибках, чтобы построить модернизированный Китай. С момента свержения Банды четырех экономика всей материковой части страны стремительно растет, люди исполнены больших устремлений и уверенности. Я убежден, что у Китая светлое будущее; можно гордиться тем, что ты гражданин Китая, который стоит в мире, высоко подняв голову и широко расправив плечи», — писал он.

Китай и другие страны, прежде всего в Азии, совершившие скачок от неразвитой экономики и массовой бедности, являются основными примерами разработанной Лином теории развития. В своей книге «Новая структурная экономика» Лин доказывает обоснованность рекомендации слабо развитым странам, которую упрощенно можно выразить как «максимально используйте то, что у вас есть».

Одним из ведущих принципов этой «новой концепции развития» является важнейшая роль государства в поддержке избранных отраслей с целью стимулирования структурного преобразования экономики. Эта практика, часто в разговоре называемая «выбором выигравших и проигравших», или промышленная политика, имеет неоднозначную историю, но в период после финансового кризиса она переживает определенное возрождение.

Лин играл важную роль в соединении уроков роста в Восточной Азии с экономической теорией развития, говорит Стиглиц.

Основным критическим доводом остается то, что несовершенные оценки и искаженные интересы государственных органов заменяют холодный расчет и четкие решения рынка. Например, получившее много хвалебных отзывов Министерство торговли и промышленности Японии когда-то выступало против планов отечественных автопроизводителей экспортировать свою продукцию и пыталось воспрепятствовать намерению «Хонды» производить не только мотоциклы, но и автомобили, поскольку считало нежелательным появление еще одной компании в этой отрасли.

Чтобы избежать таких ошибок, по мнению Лина, секрет успеха состоит в выборе отраслей, соответствующих структуре производственных факторов и уровню развития данной страны. Он приводит пример Чили, которая при поддержке государства перешла от базовых отраслей, таких как горная и лесная промышленность, рыбный промысел и сельское хозяйство, к выплавке алюминия, разведению лосося и виноделию. Лин говорит, что в прошлом промышленная политика нередко терпела неудачу из-за того, что правительство пыталось навязать экономике развитие отраслей, которые плохо подходили для имеющихся в стране факторов. То есть, они «шли вразрез» с их сравнительным преимуществом.

Выбранное Лином название для его теоретической концепции, «Новая структурная экономика», содержит отголоски структуралистской экономики (которую Лин называет первой волной в мышлении по вопросам развития), возникшей в Латинской Америке в 1940-е годы, с ее поддержкой государствен-

ного вмешательства для стимулирования развития. Вместе с тем, главный экономист Всемирного банка по Африканскому региону Шантаянан Деварджан считает, что интеллектуальные истоки новой структурной экономики Лина находятся не так далеко и в более недавнем прошлом.

Ранее в этом году, на семинаре по поводу выхода новой книги Лина с изложением его теории, Деварджан открыл обсуждение провокационной репликой: «Когда я увидел название «Новая структурная экономика», это напомнило мне о том, что говорил Вольтер о Священной римской империи. Что она не является ни священной, ни римской, ни империей. Поэтому вот мой вызов Джастину: убедите нас, что это является новым, структурным и экономическим».

Деварджан скептически расценивает оригинальность теории Лина, которая, как он говорит, представляет собой «типичное применение неоклассической экономики к вопросам развития. Поскольку неоклассическая экономика гласит, что рынки должны функционировать, если не происходит нарушения эффективности рынка, такого как внешний эффект. Если имеет место внешний эффект, государство должно принять меры для устранения этого внешнего эффекта».

Лин признает, что отчасти обязан неоклассической экономике, утверждая в то же время, что его теорию отличает решающая и масштабная роль, отводимая государству. Если Вашингтонский консенсус является второй волной научной мысли в области развития, свой подход он считает третьей волной, или «Концепцией развития 3.0». Его работа бросила вызов традиции в экономической теории, отмечает старший научный сотрудник Фонда Карнеги за международный мир Ури Дадус.

В новой книге Лина, «Стремление к процветанию» (The Quest for Prosperity), приводится объяснение новой структурной экономики и отражены уроки его четырехлетней работы во Всемирном банке. Следуя этой концепции, Лин показывает, как даже самые бедные страны могут добиться высоких темпов роста, сохраняющихся в течение нескольких десятилетий, значительно сократить бедность и стать странами со средними и даже высокими доходами за жизнь одного или двух поколений. «Лин дерзает представить мир, свободный от бедности», — говорит лауреат Нобелевской премии Джордж Акерлоф.

Проблема сравнительного преимущества

Некоторые из предписаний Лина кажутся обманчиво интуитивными. Может представляться очевидным, что странам следует использовать свои сильные стороны. В то же время, исходя из своего принципа, что страны должны ориентироваться на свое базовое сравнительное преимущество, стал бы Лин рекомендовать Корею создавать отрасль кораблестроения в 1970-е годы, при том что страна располагала ограниченными запасами сырьевых ресурсов, включая железо, уголь и сталь, и не обладала какими-либо знаниями относительно этого сектора? Некоторые другие экономисты в этом сомневаются. Однако именно таков был оказавшийся успешным рецепт Кореи для экономического развития.

«Учитывая характер процесса накопления факторов и наращивания технического потенциала, отсталая экономика просто не в состоянии накопить потенциал в новых отраслях без того, чтобы, действуя вопреки сравнительному преимуществу, фактически начать работу в новой отрасли, прежде чем страна будет располагать «нужным» факторным потенциалом», — говорит профессор Кембриджского университета Ха Джун Чан.

Четкий отпечаток неоклассической экономики в концепции Лина, пожалуй, неудивителен: он учился в Чикагском университете. Его поступление в цитадель школы свободного рынка было еще одним примером удачи, которая периодически выпа-

дала ему в жизни. Меньше чем через год после прибытия в Китай, благодаря знанию английского, приобретенному в Тайване, Лина наняли в качестве переводчика для посетившего страну экономиста Теодора Шульца. В том году Шульцу была присуждена Нобелевская премия по экономике за его новаторские исследования по проблемам, стоящим перед развивающимися странами.

Молодой переводчик (который к тому времени изучал марксистскую экономику в Пекинском университете) произвел такое впечатление на Шульца, что по возвращении в Чикагский университет, в котором он преподавал, тот предложил договориться о предоставлении Лину стипендии.

Сколько же времени провел Лин с этим ведущим экономистом, чтобы получить такое щедрое предложение? Всего лишь день, «но я был очень впечатляющим переводчиком», — отвечает Лин. На его устах все та же улыбка. Шульц был известен способностью интуитивно распознавать молодые таланты; например, он был наставником нобелевского лауреата Джорджа Стиглера и бывшего президента Американской экономической ассоциации Д. Гейл Джонсона.

После зачисления в Чикагский университет юный Лин приступил к работе для получения степени доктора экономики. Позже к нему приехала жена, Чэнь Юньин, с двумя детьми. Пока Лин проходил обучение для докторской степени и затем учился в аспирантуре в Йельском университете, его жена получила степень доктора в Университете Джорджа Вашингтона.

Плодотворная карьера

В 1987 году, когда Лин с семьей вернулись в Пекин, Китай переживал экономическую революцию, находясь на пути от плановой к «социалистической рыночной» экономике. Он начал свою плодотворную карьеру в период, когда происходили деление государственных предприятий на меньшие по размеру частные компании, деколлективизация сельского хозяйства и создание специальных экономических зон. Еще до прихода во Всемирный банк он был автором 18 книг и многочисленных научных работ.

В 1994 году Лин помог основать Китайский центр экономических исследований при Пекинском университете, который был создан с целью привлечения получивших образование за рубежом талантливых китайцев в период, когда страна остро нуждалась в знаниях, чтобы задействовать свой экономический потенциал. Этот центр со временем становился все более влиятельной организацией в формировании экономической политики Китая.

Ведущий экономист

В силу своих должностей главного экономиста и старшего вице-президента Всемирного банка (его выбрал президент организации Роберт Зелик) Лин был главным экономическим советником президента Всемирного банка, представлял политику Банка в области развития и возглавлял департаменты Банка по исследованиям, оценке перспектив (глобальному мониторингу и прогнозам) и данным. В этом качестве он руководил работой почти 300 экономистов, статистиков и исследователей, занимавшихся проблемами сокращения бедности и содействия мировому развитию.

Он снискал репутацию трудолюбивого и практичного человека. «Он всегда настроен по-деловому», — сказал один его коллега, Монга, который сопровождал Лина во многих командировках. Он рассказывает, как Лин, вместо отдыха и общения после рабочего дня, трудился до поздней ночи. «Джастин всего себя посвящал работе», — говорит он.

Неизбежно, работа главного экономиста не обходилась без трудностей. Взгляды Лина иногда встречали несогласие внут-

ри организации, причем нередко решительные возражения исходили из находившегося в его ведении исследовательского департамента. Лин говорит, что прислушивался к разногласиям, но некоторые сотрудники Банка говорят, что он в основном уклонялся от полемики с ними. «Он не пытался как-то повлиять на иные мнения или изменить их, но просто уходил от дискуссии. И я думаю, что такой подход был не вполне продуктивным», — сказал один высокопоставленный экономист в Банке.

Чтобы обеспечить практическое использование его работы по экономике развития в деятельности Банка, Лин сформировал исследовательскую группу для работы над проблемами индустриализации в Африке, в которой, по его мнению, сложились предпосылки для роста. По его мнению, по мере того как страны с формирующимся рынком, такие как Китай, Индия и Бразилия, будут подниматься на более высокие ступени индустриализации и переходить от секторов обрабатывающей промышленности с низкой квалификацией на более продвинутый уровень, это будет открывать возможности для участия в этих секторах стран с низкими доходами в Африке и других регионах. «Это высвободит огромный резервуар для обеспечения занятости, которыми могут воспользоваться страны Африки и другие страны с низкими доходами», — сказал Лин. Однако африканским странам необходимо заранее готовиться к такому переходу.

Хасан Таха, исполнительный директор в Банке, представляющий 21 африканскую страну, говорит, что Лин «поддерживал эволюцию мышления», которая помогла развивающимся странам лучше решать задачу сокращения бедности.

Возвращение в Пекин

Лин вернулся в Пекин, чтобы снова преподавать в Китайском центре экономических исследований. Он благодарен за возможности, которые предоставил ему пост главного экономиста, но сказал, что ему не терпелось вернуться в Китай после работы в Вашингтоне, которая открыла ему всеобъемлющую картину мирового развития. Его любовь к Китаю как человека и профессионала не позволяет ему надолго расстаться с этой страной.

Пожалуй, лишь одно место продолжает недостижимо манить его. На семинаре, организованном Центром глобального развития в Вашингтоне всего лишь за несколько недель до завершения его пребывания в столице США, Лин поведал, что все еще не расстается с мечтой вернуться в Тайвань, провинцию Китая, чтобы почтить память предков и встретиться с родственниками и друзьями.

После смерти отца в 2002 году Лин подал прошение разрешить ему вернуться в страну для похорон. Власти дали разрешение, но армия издала приказ о его аресте за дезертирство, и этот приказ все еще не отменен. В результате на похоронах его отца Лина представляла жена, что является серьезным проступком для сына в Азии.

Лин говорит, что остров когда-нибудь воссоединится с материковой частью.

Пока призывы сторонников отозвать ордер на его арест не были услышаны. Ранее в этом году, отвечая на парламентский запрос, министр обороны Тайваня Као Хуа-Чу, который был командиром батальона Лина и его близким другом, заявил Комитету законодательного собрания по иностранным делам и национальной обороне, что он подает в отставку в знак протеста, если Лину по возвращении в страну не будет предъявлено обвинение. На это Лин сказал, что может подождать.

Испытания легендарного терпения Лина пока продолжаются. ■